

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОНСОЦИОНАЛИЗМА В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ КОНТЕКСТЕ: НОВЫЕ ГРАНИ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ¹

О. Г. Харитоновна

Харитоновна Оксана Геннадьевна, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия.
Эл. почта: o.haritonova@inno.mgimo.ru. ORCID 0000-0003-1908-0613.

Аннотация. События «арабской весны» и последовавшие длительные вооруженные конфликты в ряде ближневосточных стран вновь привлекли внимание исследователей к тем полиэтничным и поликонфессиональным обществам, в которых использование консоциативных механизмов позволяет поддерживать государственный каркас, несмотря на высокий уровень конфликтности между сегментами. В статье делается попытка систематизировать корневой концепт консоциации, определить логику использования прилагательных с данным концептом и проанализировать в этом ключе современные консоциации в Ливане и Ираке. Основным аналитическим инструментом и одновременно предметом анализа выступает теория консоциализма (консоциативной демократии). В силу эластичности ключевых признаков консоциации, ее концептуализация осуществляется на основе принципа видового сходства. Для определения основных (необходимых и достаточных) атрибутов идеал-типической консоциации берется весь набор формальных институциональных механизмов, выделенных Лейпхартом, при исключении атрибута демократии. Анализ применения институциональных механизмов консоциации в ближневосточном политико-культурном контексте показал, что Ливан представляет собой этноконфессиональную консоциацию, где формально демократические институты на национальном уровне сосуществуют с авторитарно управляемыми сегментами. Ирак же представляет собой недемократическую частичную консоциацию, в которой доминирует шиитский сегмент. В случае Ливана атрибуты уточняют концепт консоциации, наделяя его новыми гранями, в случае Ирака — растягивают концепт, размывая понятие. Рассмотрение ближневосточных консоциаций через призму поведенческого подхода показало, что ни секторальная, ни навязанная консоциации не способствовали формированию «духа консоциации». Делается вывод, что консоциации на Западе и на Востоке существенно различаются на институциональном и поведенческом уровне, поэтому даже использование прилагательных не позволяет избежать серьезных допущений при отнесении их к классу консоциаций.

Ключевые слова: консоциация, «консоциация с прилагательными», Ливан, Ирак, разделенное общество.

Введение

События «арабской весны» и последовавшие длительные вооруженные конфликты в ряде ближневосточных стран вновь привлекли внимание исследователей к тем полиэтничным и поликонфессиональным обществам, в которых использование консоциативных механизмов позволяет поддерживать государственный каркас, несмотря на высокий уровень конфликтности между сегментами (см., например, Керимов, 2021; Кудряшова, Козинцев, 2021; Сарабьев, 2019; Calfat, 2018; Dodge, 2020; Dodge, Mansour, 2020; Haddad, 2020; Vyman, 2014). Таких случаев на Ближнем Востоке два — Ливан и Ирак.

В известном списке 29 «состоятельных кейсов» (stong cases) консоциализма Ф. Тэйлора эти две страны можно обнаружить в группе современных кейсов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00922А «Арабское государство после “арабской весны”: траектории и динамика политических трансформаций».

(10 стран)² (Taylor, 2009: 6). Все консоциации из этого списка были образованы в разделенных обществах, поэтому разделенность выступает здесь ключевой характеристикой корневого концепта консоциации.

Вместе с тем Д. Горовиц считает, что «в разделенных обществах за пределами Запада консоциативные установки встречаются так же редко, как арктические розы» (Horowitz, 2002: 197). Если это так, то встают два вопроса: что означает сегодня концепт консоциализма и какого рода консоциации представляют собой ближневосточные политии?

Чтобы ответить на эти вопросы, в статье делается попытка систематизировать корневой концепт консоциации, определить логику использования прилагательных с данным концептом и проанализировать в этом ключе современные консоциации в Ливане и Ираке. Основным аналитическим инструментом и одновременно предметом анализа выступает теория консоциализма (консоциативной демократии), разработанная А. Лейпхартом, его коллегами и последователями.

Концептуализация консоциации

В настоящее время концепт консоциации в политической науке все чаще используется с разнообразными дополнительными определениями: демократическая консоциация (этноконфессиональная, либеральная, федеративная, конфедеративная, корпоративная), псевдоконсоциация, постконсоциация, консоциация плюс и т.д. Такое разнообразие стало результатом поисков решения классической проблемы сравнительной политологии: «слишком много переменных, слишком мало казусов».

Изначально термин «консоциация»³ использовался для характеристики институционального устройства, призванного обеспечить стабильное функционирование демократии в европейских разделенных обществах. В наиболее полном виде сформулировал теорию консоциализма А. Лейпхарт, который определил разделенное общество как «общество, имеющее острые расколы по религиозным, идеологическим, лингвистическим, культурным, этническим и расовым осям и разделенное на отдельные субобщества со своими партиями, группами интересов и средствами коммуникации» (Lijphart, 1999: 32). В научной литературе для характеристики подобных обществ используются и другие определения (например, «фрагментированное», «сегментированное», «многосоставное», «плюральное»), что уменьшает концептуальную точность теории консоциализма (Кудряшова, 2016: 18–19).

Лейпхарт операционализирует «крайне плюральное» (*completely plural*) общество как общество, в котором (1) легко идентифицировать сегменты; (2) известна точная численность каждого сегмента; (3) наблюдается полное совпадение между сегментарными границами и политической, экономической и социальной организацией; (4) партийная и сегментарная принадлежности совпадают, в силу чего выборы становятся переписью населения сегмента (Lijphart, 1981: 356). Та-

² Также в списке 6 классических кейсов (Нидерланды, Швейцария, Австрия, Бельгия, Люксембург и Лихтенштейн) и 13 исторических.

³ От латинского *consociatio* (сообщество, гармоничное ведение общественной жизни), впервые использованного немецким политическим мыслителем Иоганном Альтзуием в книге «*Politica metodice digesta atque exemplis sacris et profanis illustrata*» (1603), известной в русском переводе под названием «Политика».

кая политико-ориентированная операционализация разделенности в категориях «больше-меньше» вместо «да-нет» позволяет, с одной стороны, ранжировать кейсы по уровню разделенности, а с другой — исходит из посылки, что разделенность не только присутствует или отсутствует, но и может быть выражена в разной степени. При этом последняя остается неопределенной — за исключением крайнего уровня, который предполагает строительство консоциативной демократии.

Поскольку разделенность (сегментированность) и ее политизация могут дестабилизировать демократию, глубоко разделенным обществам, как полагает Лейпхарт, нужен демократический режим, который «строится на консенсусе, а не оппозиции, является включающим, а не исключающим, и имеет максимально возможное правящее большинство» (Lijphart, 1999: 33). В целом исследователь выделил четыре типа демократических систем, в том числе центростремительную (центрипеталистскую) и консоциативную (Lijphart, 1968), и предложил их типологизацию с использованием двух критериев: уровня фрагментации и уровня консоциации. Эта матрица соединила характеристики политической культуры (гомогенная или фрагментированная) и поведения элит (конкуренция или сотрудничество) (Lijphart, 1968: 38). Консоциативная демократия в данной матрице представляет собой сочетание фрагментированной политической культуры и кооперативного поведения элит в виде коалиции на самом высоком уровне власти. Акцент на балансе сил между субкультурами означает, что «управление осуществляется элитарным картелем, призванным направить демократию с фрагментированной политической культурой на путь стабильной демократии» (Lijphart, 1969: 216).

По мнению Лейпхарта, элиты должны понимать угрозы политической фрагментации и стремиться не только сохранить демократию, но и укрепить ее стабильность (Lijphart, 1969, 216). Таким образом, можно говорить о рациональном выборе консоциативных институтов со стороны представителей элит сегментов. Если исходить из того, что консоциативная демократия — это «девиантный кейс стабильной, хотя и фрагментированной, демократии», то независимой переменной, объясняющей эту девиантность, будет именно поведение политических элит (Lijphart, 1969: 211).

Таким образом, консоциативный подход, будучи нацеленным на поощрение компромиссных стратегий поведения политических акторов в демократических рамках, является в большей мере волюнтаристским и поведенческим, чем институциональным. На кооперативное поведение элит будет влиять баланс сил сегментов, их число и вес: сегментов должно быть немного, и они должны быть равновесными. Как пишет Лейпхарт, «если во фрагментированной системе все сегменты являются меньшинствами, у них будет больше стимулов к сотрудничеству» (Lijphart, 1968: 27). Консоциализм с его гарантиями нужен в первую очередь меньшинству. Большинству же, по мнению другого авторитетного специалиста по разделенным обществам Д. Горовица, «нужно правление большинства, и только необычное стечение обстоятельств может заставить большинство отказаться от правления большинства в пользу немажоритарных институтов общественного типа» (Horowitz, 2002, 197–198).

Таким образом, в первом варианте классической теории консоциализма «консоциация» использовалась не в качестве концепта, а в качестве атрибута, прилагательного, уточняющего подтип демократического режима, возникающего в разделенных европейских обществах. Консоциативная демократия должна

была гарантировать равные права и свободы всех граждан, предотвратить дискриминацию отдельных сегментов и обеспечить соучастие представителей всех сегментов в процессе принятия решений.

Такое понимание консоциации подверглось обоснованной критике: гарантированное представительство и участие всех сегментов в процессе принятия решений может противоречить демократии. Так, по мнению Горовица, главным недостатком консоциации являются «слишком теплые отношения между включенными партиями, которые не оставляют места для важнейшего элемента демократии — оппозиции» (Horowitz, 2000: 256). Правоту ученого подтвердило политическое развитие классических европейских консоциаций, три из которых (Австрия, Бельгия и Нидерланды) перешли в разряд постконсоциативных демократий, где оппозицией стали антисистемные и популистские партии (Andeweg, De Winter, Müller, 2008: 79–80).

Наряду с поведенческими характеристиками консоциации классики консоциативного подхода определяют и институциональные: выборы проходят по системе пропорционального представительства; все основные сегменты участвуют в большой правящей коалиции; основные решения принимаются на основе консенсуса; все сегменты обладают правом вето; власть распределена по вертикали (например, широкая автономия). Однако, как подчеркивает Лейпхарт, консоциативная демократия — это не столько определенное институциональное устройство, сколько осознанная совместная попытка элит стабилизировать систему (Lijphart, 1969: 213). Институты могут только помочь заинтересованным в этом элитам: пропорциональность обеспечит представительство и участие всех сегментов (в случае их равновесности), коллегиальный способ принятия решений (большая коалиция) и право вето способствуют консенсусу при принятии решений, автономия (территориальная в случае концентрированного проживания представителей сегмента на определенной территории) даст элитам сегментов право принимать решения, значимые для членов группы.

С точки зрения С. Галперн, институты консоциации понимаются А. Лейпхартом скорее нормативно: большая коалиция представляет собой «балансирующий инструмент для распределения властных полномочий, используемый лидерами разделенных обществ» (Halpern, 1986: 190), взаимное вето и автономия сегментов могут быть неформальными, пропорциональность актуальна только для равновесных сегментов, а дихотомия поведения элит (сотрудничество — соревнование) не оставляет места для смешанного или изменяющегося поведения (подробнее см. Halpern, 1986). Одновременно она приходит к обоснованному выводу, что эластичность и нечеткость консоциативной теории влечет за собой включение в «консоциальную вселенную» спорных кейсов, в том числе обществ недостаточно разделенных, с конфликтующими элитами и без институтов распределения власти (Halpern, 1986: 196).

Именно эластичность теории обусловила растяжение концепта, распространение его на разные группы кейсов, о чем говорилось выше. При этом различия были существенны даже в рамках одной группы. Например, в первую группу попали демократические политические системы с консоциативными механизмами или, скорее, консоциативной логикой распределения власти, в том числе Канада, Индия (до конца 1960-х), Колумбия (1958–1974), Уругвай (до 1967 г.). В Индии пропорциональность представительства и распределение власти между всеми

группами обеспечивались, по мнению Лейпхарта, через зонтичную партию Индийский национальный конгресс (Lijphart, 1996); в Уругвае до 1967 г. к консоциативным механизмам относилось гарантированное соучастие в управлении (*coparticipacion*) Белой и Красной (*Colorado*) партий (Lijphart, 1969: 213); в Колумбии (1958–1974) Р. Дикс выявляет межэлитные договоренности по ротации власти между партиями как результат стремления элит к миру, стабильности и выживанию элиты при угрозе со стороны армии (Dix, 1980) и т.д. Во всех этих случаях под консоциацией понимается межсегментное сотрудничество на элитарном уровне, способствующее демократической стабильности.

Рассмотрение консоциативных механизмов в качестве инструментов преодоления этноконфессиональных конфликтов и конструирования постконфликтного институционального дизайна, не обязательно демократического, но миротворческого, представляет собой другое направление растяжения рассматриваемого концепта. Поскольку в этноконфессионально разделенных обществах всегда присутствует угроза политизации и мобилизации религии и этничности, проявления радикализма, сепаратизма, этноконфессиональных конфликтов и терроризма как крайней формы конфликтности (см. *Метаморфозы разделенных обществ*, 2020), консоциативные механизмы могут перевести конфликты в институциональное русло, обеспечив мир. Как писал А. Пшеворский, «мир удастся сохранить при таком институциональном дизайне, при котором шанс победы на институциональном поле сравним с шансом преобладания в результате силового способа» (Пшеворский, 2003: 401). В случае разделенного общества мир должен быть межсегментным, поэтому при создании и реформировании политических институтов важное значение имеет политическая воля «институциональных дизайнеров» и их желание либо завалулировать этноконфессиональные конфликты, либо заключить их в институциональную рамку. Рациональный выбор между затяжным конфликтом / распадом государства и распределением власти при угрозе распада может привести к формальным или неформальным консоциативным договоренностям.

При принятии стратегии «держаться вместе» как ключевого атрибута консоционализма происходит дальнейшая дифференциация последнего. В этом контексте политологи выделяют постконфликтные «консоциации с прилагательными» — корпоративную, либеральную и гибридную (корпоративно-либеральную).

Корпоративная консоциация наделяет этнокультурные группы представительством в момент наибольшей поляризации сил; тем самым происходит как бы остановка конфликта во времени, и даже изменение демографической ситуации не может заставить группы отказаться от своих прав, как это происходит в Ливане (McCulloch, 2014: 508). Либеральная консоциация, наоборот, поощряет любые партии, приходящие в политику по результатам демократических выборов, независимо от этнических, конфессиональных и иных субгрупповых идентичностей, обеспечивая права индивидов и групп, как это происходит в Ираке (McGarry & O'Leary, 2007: 675). Либеральная консоциация опирается на лидеров демократически мобилизованных политических партий, а не аскриптивных (этнических или религиозных) общин, избегая тем самым предоставления льгот определенным группам (op. cit., 692).

Итак, в силу эластичности ключевых признаков консоциации ее концептуализация осуществляется на основе принципа видового сходства («*family resemblance*»). Нет ни одной характеристики консоциации, кроме размытой категории «распреде-

Таблица 1. Консоциации и «консоциации с прилагательными» (попытка классификации)
 Table 1. Consociations and consociations with adjectives (preliminary classification)

«Минус атрибут» Консоциация с прилагательными, усекающими концепт (часть либо все характеристики отсутствуют)	Концепт консоциации	«Плюс атрибут» Консоциация с прилагательными, добавляющими атрибуты к концепту
Консоциация «лайт» Полуконсоциация Постконсоциация Мажоритарная Неформальная Консоциация минус (автономия)	Распределение власти (power-sharing) и ряд институциональных характеристик (пропорциональность, право вето сегментов, большая коалиция, автономия)	Корпоративная vs либеральная Нелиберальная Навязанная Этноконфессиональная Транснациональная Несуверенная (опекунская) Недемократическая Консоциация плюс (федерализм)

Источник: составлено автором.

ления власти», которая была бы присуща всем консоциациям. Поэтому классическая концептуализация через «лестницу абстракции» (предполагающая таксономическую иерархию категорий — от высших общих к низшим специфическим, при которой все атрибуты присутствуют в соответствующих кейсах на одном уровне анализа), не подходит для концепта консоциации: он не может стать более абстрактным или более общим после сокращения количества его атрибутов (Дж. Сартори).

В качестве решения проблемы при перемещении таких концептов по лестнице абстракции Д. Кольтер и Дж. Махон предлагают (вслед за А. Пшеворским) признать, что «в разных контекстах разные атрибуты являются определяющими характеристиками одной и той же категории» (Collier & Mahon, 1993: 847–848).

Можно попытаться внести теоретическую ясность путем определения основных (необходимых и достаточных) атрибутов концепта. В этом случае в качестве идеального типа консоциации следует признать весь набор формальных институциональных механизмов, выделенных Лейпхартом, и исключить атрибут демократии (так как данная концептуализация не учитывает целей создания консоциации — сохранения демократии и/или поддержания мира). Для предотвращения растяжения концепта при анализе отдельных случаев будут использованы прилагательные в соответствии с логиками усечения или уточнения концепта.

Далее мы попытаемся диагностировать консоциализм в Ливане и Ираке и предложить его атрибуты в соответствии с представленной выше логикой.

«Консоциация с прилагательными» в Ливане

Ливан представляет собой разделенное общество с мусульманским большинством (31,9% суннитов, 31,2% шиитов, 4,5% друзов⁴) и христианским меньшинством (32,4%, самая крупная община — католики-марониты)⁵. Его устройство часто называют си-

⁴ Общину друзов исследователи, как правило, рассматривают как мусульманскую.

⁵ World factbook. Lebanon. People and society. Retrieved from <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/lebanon/>

стемой политического конфессионализма (например, Керимов, 2021; Сарабьев, 2019). Ливанская политическая система имеет следующие отличительные черты.

Во-первых, пропорциональное представительство конфессиональных общин, определенное на основе переписи 1932 г. За ними зарезервированы места в парламенте и посты в органах исполнительной власти (президентом может стать только маронит, премьер-министром — суннит, председателем парламента — шиит, заместителем премьер-министра и вице-председателем парламента — православный, командующим армией — маронит и т.д.). Согласно Национальному пакту 1943 г. (договоренностям о распределении властных полномочий), соотношение христиан и мусульман в парламенте страны должно было составлять 6 к 5, что закрепляло привилегированное положение христиан-маронитов. Только Тифские соглашения 1989 г., положившие конец длительной гражданской войне, уравнили число христиан и мусульман в легислатуре и их присутствие в структурах исполнительной власти.

Во-вторых, культурная автономия сегментов. Согласно Конституции⁶, «государство уважает все религии и вероисповедования и гарантирует свободное отправление религиозных культов при условии сохранения общественного порядка». Государство гарантирует всем религиозным общинам уважение к их установлениям о личном статусе и религиозным интересам (ст. 9). Общины могут иметь свои школы при условии соблюдения положений, установленных государством в отношении образования (ст. 10). В стране официально признаны 18 религиозных общин, каждая из которых имеет свои политические партии и другие организации. В их ведении также находятся собственные судебные инстанции для урегулирования вопросов личного статуса ввиду отсутствия в Ливане единого закона об актах гражданского состояния (Керимов, 2021, 370–371). По мнению исследователей, ливанские партии являются «основным каналом доступа к государственным ресурсам и услугам, а религиозная аффилиация определяет политические права и привилегии» (Calfat, 2018).

В-третьих, большая коалиция. Президент, избираемый большинством в 2/3 голосов членов парламента в первом туре (или абсолютным большинством во втором), формально назначает правительство, которое несет коллективную ответственность перед парламентом. Необходимость кворума усложняет процедуру выборов президента. Так, действующий президент Мишель Аун был избран 31 октября 2016 г. с 46 попытки (первая попытка состоялась 23 апреля 2014 г.)⁷. Коалиционное правительство формируется премьер-министром на основе консультаций с политическими партиями и движениями, что также является сложной задачей. После выборов 2018 г. правительство было образовано только через девять месяцев из-за постоянных срывов согласования распределения министерских постов между представителями разных конфессиональных групп.

В-четвертых, право вето. Каждый депутат имеет право поставить вопрос о недоверии правительству (ст. 37). Решения в правительстве принимаются путем консенсуса, а по важнейшим вопросам (пересмотр конституции, введение чрезвычайного положения, вопросы войны и мира, бюджет, общенациональные программы,

⁶ Конституция Ливана 1926 г., одобренная конституционным законом 21 сентября 1990 г. Режим доступа <https://worldconstitutions.ru/?p=90>

⁷ Liban Profil Gouvernement. Index Mundi. Retrieved from: https://www.indexmundi.com/fr/liban/gouvernement_profil.html

ропуск парламента) требуется одобрение 2/3 членов правительства (ст. 65). Пересмотр конституции может быть инициирован 2/3 состава парламента (ст. 77).

Парламентским системам свойственны «существование» и взаимозависимость исполнительной и законодательной властей, когда ни одна ветвь власти не может выжить без другой. Исполнительная власть ответственна перед законодательной, так как всецело зависит от доверия большинства в парламенте, поэтому в парламентских системах наблюдается сотрудничество между ветвями власти и постоянный поиск компромисса. Эта логика парламентаризма способствует урегулированию конфликтов в разделенных обществах. Парламентская система — гибкая, не имеет фиксированных сроков полномочий, а ответственность парламента за политику правительства обеспечивает сильную внутрипартийную дисциплину. Ее главное преимущество заключается в наличии механизмов для преодоления взаимного блокирования в случае распада правящей коалиции и вынесения правительству вотума недоверия. Однако в случае конфессиональной парламентской демократии роспуск парламента и новые выборы могут воспроизводить прежнюю расстановку сил. Поскольку в состав парламента и правительства гарантированно входят все сегменты, тип электоральной системы не имеет большого значения для обеспечения их представительства.

В качестве электоральной системы сторонники консоциализма обычно рекомендуют пропорциональное представительство, а центрипетализма — различные варианты преференциального голосования (альтернативное голосование, т.е. мажоритарное преференциальное голосование или единый переходящий голос в многомандатных округах). Применение консоциативных механизмов стимулирует появление конфессиональных политических партий, продвигающих собственную конфессиональную повестку, поэтому большая коалиция может стать не коалицией сегментов, а коалицией конфессий. Конфессиональный конфликт в данном случае заключается в институциональные рамки, но не предотвращается, так как любая из партий может занять более радикальную позицию и выйти из коалиции, нарушив тем самым принцип консоциации. Использование центрипеталистских механизмов, наоборот, будет способствовать кросс-секторальному сближению, так как избранным представителям необходимо будет получить голоса избирателей не только своего сегмента, но и других.

По мнению М.Богаардса, хотя обычно консоциализм и центрипетализм считаются противоположностями, в некоторых странах, в том числе в Ливане, происходит соединение консоциативного пропорционального представительства с центрипеталистским механизмом «объединения голосов» (*vote pooling*) (Bogaards, 2019: 522).

В Ливане используется система блокового голосования с конфессиональной квотой по округам, институционализирующей одновременно и представительство всех сегментов, и их неравновесность. 128 мест в парламенте разделяются по конфессиональному принципу (64 для христиан и 64 для мусульман), которые, в свою очередь, распределяются между 7 христианскими и 4 мусульманскими сегментами. В результате марониты имеют 26,56% мест, греко-православные — 10,94%; греко-католики — 6,25%; православные армяне — 3,91%; армяне-католики — 0,78%; протестанты — 0,78%; другие христиане — 0,78%; сунниты — 21,09%; шииты — 21,09%; алавиты — 1,56%; друзы — 6,25%. В парламенте также зарезервированы 6 мест для представителей нерезидентов, 3 — для христиан, и 3 — для мусульман (Calfat, 2018).

До 2017 г. избирательная система сочетала принцип пропорционального представительства групп и мажоритарный принцип внутри групп. Кандидаты могли баллотироваться только по конфессиональному принципу, но избиратели могли отдавать свои голоса за представителей любых конфессий в многомандатных округах в соответствии с конфессиональной квотой на округ; победители выбирались по принципу большинства, то есть «победитель получал все» внутри конфессиональной квоты⁸. Как отмечает Богаардс, если парламентарии могут быть выбраны представителями другой конфессии, это приводит в действие центрипеталистскую логику «объединения голосов», но «соглашение Дохи 2008 г. привело к появлению мелких и более гомогенных избирательных округов с целью умиротворения лидеров общин и ослабления объединения голосов» (Bogaards, 2019: 524–525).

Принятие нового избирательного закона в 2017 г. (парламент принимал новый электоральный закон перед каждыми выборами, но изменения касались в первую очередь нарезки избирательных округов) ознаменовало переход к системе пропорционального представительства. Введение квоты Хэра для распределения мест привело к разным избирательным квотам в округах (от 7,69% в Горном Ливане до 20% в Южном Ливане), способствовало интересам крупных партий, препятствовало партийной фрагментированности и нарушило пропорциональность⁹. Однако, пока сохраняется система конфессиональных квот, «пропорциональное представительство не может повлиять на конфессиональный баланс сил, и даже реформаторский избирательный закон является результатом политического расчета секторальных элит» (Bogaards, 2019: 525).

Элиты представлены немногочисленными партийными лидерами (Керимов, 2021: 374), при этом партии в стране организованы в форме патрон-клиентских сетей, и только «Хизбалла»¹⁰ является «дисциплинированным движением сопротивления военного типа» (Salem, 2011: 546). По мнению П. Салема, «политическая система функционирует как олигархия, в которой при согласии олигархов процесс принятия решений проходит гладко, а при несогласии правительство парализуется и разногласия транслируются в напряженность между общинами» (Salem, 2011: 546).

Несмотря на большой опыт использования демократических процедур, в стране не сформированы общенациональные демократические ориентиры. Хотя более 85% ливанцев независимо от конфессии уверены, что демократия является лучшей формой правления, только большинство суннитов (54%) считают, что граждане должны поддерживать решения национального правительства (с этим согласны лишь 32% друзов, 21,7% христиан и 9% шиитов)¹¹.

Опросы свидетельствуют не только о низком уровне доверия институтам со стороны практически всех конфессий, но и о падении доверия за последние десять лет. «Арабский барометр» 1 волны выявил у представителей сегментов институциональные предпочтения, соответствующие конфессиональному распределению постов: 59% суннитов доверяли премьер-министру — сунниту и 68% шиитов

⁸ Lebanon's 2009 Parliamentary Elections. The Lebanese Electoral System IFES 2009. IFES Briefing Paper. Retrieved from https://www.ifes.org/sites/default/files/ifes_lebanon_esb_paper030209_0.pdf

⁹ Lebanon's 2017 Parliamentary Election Law. IFES Briefing Paper. 2018. Retrieved from <https://www.ifes.org/publications/lebanons-2017-parliamentary-election-law>

¹⁰ Организация создана в Ливане в 1982 г. при содействии Корпуса стражей исламской революции Ирана.

¹¹ Arab Barometer I wave (2006-2009). Retrieved from <https://www.arabbarometer.org/surveys/>

Таблица 2. Уровень доверия демократическим институтам (% респондентов, имеющих очень большой и большой уровень доверия), 2006–2009 гг.

Table 2. Level of trust to democratic institutions (% of respondents with high and very high levels of trust), 2006–2009

	Премьер-министр	Парламент	Политические партии
Христиане	29,38	29,39	21,53
Сунниты	59,16	39,14	15,65
Шииты	4,33	68,11	29,92
Друзы	37,5	23,73	10

Источник: составлено автором на основе «Арабского барометра» 1 волны (2006–2009). – URL: <https://www.arabbarometer.org/surveys/> (accessed: 1.08.2020).

Таблица 3. Уровень доверия демократическим институтам (% респондентов, имеющих очень большой и большой уровень доверия), 2018–2019 гг.

Table 3. Level of trust to democratic institutions (% of respondents with high and very high levels of trust), 2018–2019

	Премьер-министр/ Президент	Правительство	Парламент	Политические партии
Марониты	15,7	13,07	11,06	21,4
Православные	14,1	18,02	14,1	10,26
Сунниты	34,57	21,78	15,64	14,29
Шииты	19,6	24,5	28,34	28,9
Друзы	8,7	15,79	11,58	8,7

Источник: составлено автором на основе «Арабского барометра» 5 волны (2018–2019). Retrieved from <https://www.arabbarometer.org/surveys/> (accessed: 1.08.2020).

доверяли парламенту, возглавляемому спикером-шиитом (табл. 2). «Арабский барометр» 5 волны показывает общее снижение доверия всем демократическим институтам со стороны всех конфессиональных групп (табл.3).

Тем не менее, в Ливане есть предпосылки для преодоления политического конфессионализма. Опросы демонстрируют, что главной формой самоидентификации для представителей всех конфессий является «ливанец» (табл. 4). Таким образом, партии могут предлагать общеливанскую повестку и выдвигать межконфессиональные списки на выборах.

Как известно, государство-нация формируется благодаря политико-институциональному подходу, исходящему из целесообразности сохранения множества идентичностей и их комплементарности: «все группы получают возможность выражения своих интересов, и общая «мы-идентичность» закрепляется институциональными механизмами, гарантирующими защиту различий» (Stepan, Linz & Yadav, 2011: 4–5). Данные табл. 4 показывают, что у конфессиональной консоциации есть предпосылки для построения государства-нации.

В преамбуле Конституции (после изменений 1990 г.) говорится, что «основной национальной задачей является отмена конфессиональной системы, для реали-

Таблица 4. Самоидентификация граждан Ливана (первая идентификация)
 Table 4. Self-identification of the Lebanese citizens (first self-identification)

Религия/ самоидентификация	Ливанец	Мусульманин	Араб	Христианин	Другое	Нет ответа
Христианин	81,80	0,00	1,00	16,19	0,67	0,34
Суннит	67,18	21,76	8,78	0,38	0,76	1,15
Шиит	87,01	5,51	5,91	0,00	1,57	0,00
Друз	88,75	2,50	8,75	0,00	0,00	0,00
Всего	80,17	6,11	4,27	8,20	0,84	0,41

Источник: составлено автором на основе «Арабского барометра» 1 волны (2006–2009). Retrieved from <https://www.arabbarometer.org/surveys/> (accessed: 1.08.2020).

зации которой необходим поэтапный план». Согласно ст. 22 «после выборов первого состава Палаты депутатов на общенациональной, а не конфессиональной основе будет сформирован Сенат, в котором будут представлены все религиозные общины, а сфера его полномочий будет ограничена только вопросами, представляющими основные национальные интересы». Через 30 лет этот проект так и не был осуществлен: в стране продолжает действовать парламентская система с однопалатным парламентом и конфессиональным принципом распределения власти. Правда, конкретные временные рамки его реализации, как и соответствующая «дорожная карта», никогда не устанавливались (Керимов, 2021: 371–372).

Итак, сегментированность Ливана привела к установлению системы политического конфессионализма, сочетающей демократические процедуры на национальном уровне с внутриобщинным управлением неотрадиционалистского типа. В результате слабые демократические институты сосуществуют с неопатримониальными неформальными практиками и патрон-клиентскими отношениями. Несмотря на поставленные задачи отказа от конфессионального устройства, политические элиты Ливана, по мнению П. Салема, пока не демонстрируют достаточной зрелости, чтобы признать необходимость реформирования системы (Salem, 2011: 550).

Политический кризис 2020 г. опять остро поставил вопрос о политических реформах. По мнению действующего президента М. Ауна, Ливан представляет собой несколько республик, а не одну, поэтому он призвал «к объявлению Ливана светским государством... к диалогу с участием духовных авторитетов и политических лидеров, чтобы прийти к приемлемой для всех формулировке, которая найдет отражение в соответствующих поправках к конституции» («Президент Ливана на фоне...»). Однако для масштабных политических реформ необходимы не только политическая воля лидеров всех конфессиональных групп, но и институциональные условия, которые будут способствовать отказу мелких сегментов от гарантированного представительства.

Таким образом, политическую систему Ливана можно охарактеризовать как консоциацию с прилагательными, а именно корпоративную консоциацию этноконфессионального типа, и с большой осторожностью использовать применительно к ней термин «консоциативная демократия», учитывая низкий уровень доверия ливанцев национальным политическим институтам и структуру их идентичности

«Консоциация с прилагательными» в Ираке

Случай Ирака является хрестоматийным примером постконфликтного государственного строительства (трансплантации демократического транзита через создание консоциации). В списке Р. Тэйлора он является примером консоциации «новой волны» (с внешним гарантом), установленной после международной интервенции (Taylor, 2009: 6). Ирак представляет собой разделенное общество как в этническом (75–80% арабов, 15–20% курдов, 5% — другие группы), так и религиозном (30% суннитов, 69% шиитов, остальные — христиане, йезиды и другие группы) отношении¹².

В преамбуле Конституции 2005 г. (Iraq's constitution...), принятой после свержения Саддама Хусейна, эта разделенность отмечена: «Помня о страданиях иракских мучеников — суннитов и шиитов, арабов, курдов, туркоманов и наших братьев из других общин... мы стремились создать новый Ирак, свободный от фанатизма, расизма, местничества, дискриминации и изоляции» (преамбула). Конституция провозглашает Ирак полиэтнической и поликонфессиональной (ст. 3) федерацией (ст. 1) с двумя официальными языками — арабским и курдским — на государственном уровне, двумя официальными языками в административных провинциях (ассирийский и туркоманский) и возможностями получения образования на других языках (ст. 4); тем самым признается множественная этноконфессиональная идентичность, необходимая для консоциации.

Хотя новые институты сохранили единство страны, они, как свидетельствует совсем недавняя иракская история, не привели к стабильному функционированию политической системы и гражданском миру, не говоря уже о демократии и консолидации политических институтов. Повлияли ли на это институциональный дизайн 2005 г. и специфика импортированного консоциализма?

Признанные специалисты в области консоциализма Р. МакГарри и Б. О'Лири назвали Конституцию 2005 г. «консоциативной», что привело к очередному (после североирландского кейса) растяжению концепта консоциации. На деле в Ираке была построена неполная консоциация, в которой сохранилась маргинализация суннитов. Согласно Индексу межэтнических властных отношений, сунниты являются безвластными (*powerless*), т. е. не имеют властных полномочий и не влияют на процесс принятия решений (Bogaards, 2021: 188).

Большинство исследователей используют для характеристики иракской консоциации такие слова как неформальная, либеральная, волонтаристская, квази-, половинчатая, облегченная (*light*) и т. п. По мнению П. Диксона, консоциализм в Ираке является нечетким, противоречивым и двусмысленным (Dixon, 2011: 310). Конституция закрепила только два признака консоциативной модели Лейпхарта — пропорциональность и автономию сегментов (последнее в первую очередь касается курдов). Конституционная статья о большой коалиции была переходной, право взаимного вето применялось только в момент принятия Конституции и в парламенте первого созыва (2006–2010), а пропорциональность по Конституции относится лишь к вооруженным силам и распределению доходов, поэтому единственным признаком формальной консоциации выступает автономия сегментов, или самоуправление (Bogaards, 2021: 189).

¹² World factbook. Iraq. People and society. Retrieved from <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/iraq/#people-and-society>

Неформальные правила закрепляют пост спикера парламента за арабом-суннитом, президента — за курдом, премьер-министра — за арабом-шиитом, что дает шиитскому сегменту значительное преимущество по сравнению с другими: сосредоточение исполнительной власти в руках премьер-министра позволяет «шиитскому сегменту подчинять другие группы благодаря контролю над вооруженными силами» (Aboultaif, 2020: 109). Система неформальных институциональных правил, легшая в основу современной иракской политики, получила название «аль-мухасаса» (араб. «распределение»). Например, министерские посты распределяются по следующей формуле: арабы-шииты — 54%, арабы-сунниты — 24%, курды — 18%, остальные — 4% (al-Shadeedi, van Veen, 2020: 10).

Эта система позволила обеспечить и относительный баланс сил между двумя главными курдскими партиями: если пост президента Республики Ирак зарезервирован за представителем Патриотического союза Курдистана, то пост президента Иракского Курдистана — за представителем Демократической партии Курдистана. Как считает О'Лири, отсутствие формальных ограничений (вето сегментов) на исполнительную власть является единственным конституционным поражением курдов, хотя изначально им удалось установить коллегиальное президентство представителей трех сегментов на время переходного периода (O'Leary, 2010: 72–73).

Иракский «либерализм» (McGarry, O'Leary, 2007) проявляется в возможности интегрировать в политический процесс всех легально возникающих акторов. Министерские портфели распределяются между партиями пропорционально их результатам на выборах, что позволяет включить в систему распределения власти «предустановленные» и «вновь определившиеся» силы (*pre-determined and self-determined* в терминологии Лейпхарта). Однако при отсутствии других важных характеристик консоциации баланс сил оказывается непропорционально смещен в сторону шиитского сегмента, контролирующего исполнительную власть, поэтому некоторые авторы называют такую систему мажоритарной.

Консоциация в Ираке создавалась на фоне дебаасификации¹⁵ (до 2012 г.) при исключении некоторых значимых сегментов: арабов-суннитов, двух из трех шиитских партий (как радикальных) и арабских националистов (Dixon, 2011; Dodge, 2020). О'Лири считает дебаасификацию чисто политическим процессом (O'Leary, 2010: 79), но есть и другие мнения: как отмечает Диксон, она стала механизмом десуннификации, благодаря которой сунниты были вынуждены поддержать Конституцию (Dixon, 2011: 317). В итоге суннитский сегмент, представляющий собой значительное меньшинство (более 20%), не получил право вето, необходимое для консоциации как модели. Маргинализация суннитов делает консоциацию в Ираке половинчатой, или двойственной, тогда как стране, по мнению ряда экспертов, необходима «консоциация плюс», сочетающая консоциативное распределение власти с федерализмом и другими институтами (McGarry, O'Leary, 2007).

Э.Абултаиф называет Ирак полуконсоциацией из-за отсутствия большой коалиции и права вето, так как «без права вето меньшинства, независимо от включенности в управление, будут подвержены капризам большинства... даже при наличии церемониальной большой коалиции» (Aboultaif, 2020: 111). Так, анализ инвестиционных проектов показывает непропорциональное распределение финансиру-

¹⁵ Партия Баас до международной операции 2003 г. была правящей и возглавлялась президентом Саддамом Хусейном (1979–2003).

ния между сегментами: в регионах с шиитским большинством осуществлено 4260 проектов, с суннитским — 906 проектов, с курдским — 603 (Aboultaif, 2015: 116).

Хотя по Конституции нижняя палата (Совет представителей) представляет весь народ и все слои населения (ст. 49), пропорциональность иракской консоциации закрепляет доминирование шиитского сегмента. Шиитское большинство в парламенте (более 51% мест) позволяет проводить любой политический курс и, согласно Абултаифу, «поддерживает поляризацию политики и может привести к радикализации суннитского сегмента в будущем» (Aboultaif, 2015: 118).

Правление большинства в разделенных обществах, по мнению Лейпхарта, является не только недемократическим, но и опасным, так как меньшинства, которым постоянно запрещен доступ к власти, будут чувствовать себя исключенными и дискриминированными, и режим может потерять их лояльность (Lijphart, 1999: 32–33). Согласно данным Института Гэллапа, в 2019 г. всего 13% граждан доверяли политическому руководству, а 11% — президенту, что стало наихудшим показателем за 10 лет наблюдений¹⁴. Как считает О'Лири, многие сунниты до сих пор ощущают «превосходство ... и презрительно относятся к предполагаемым низшим по расе (курдам) и по религии (шиитам)» (цит. по Dixon, 2011: 316), а неравноправное положение суннитов в консоциации поддерживает их отчужденность.

С точки зрения Горовица, в иракской Конституции 2005 г. сложно идентифицировать какой-либо снижающий остроту этнического или конфессионального конфликта институт, кроме федерализма. Однако и федерализация в Ираке является неполной (не создана предусмотренная Конституцией верхняя палата) и асимметричной, так как полномочия 19 провинций и одного автономного региона (Иракский Курдистан) сильно отличаются по индексам самоуправления и соуправления.

Конституция определяет структуру федерации (столица, регионы, провинции) и местная администрация (ст. 116) и наделяет провинции правом создавать новые регионы путем референдума (ст. 119). Эти положения могут стимулировать развитие этнической или секторальной федерации и несут угрозу этноцентризма, сектарианизма и распада (McGarry, O'Leary, 2007: 677). Одновременно МакГарри и О'Лири признают, что федерации с большим числом регионов (более двух) являются более стабильными (op. cit., 679), поэтому конституционное положение, позволяющее создавать новые регионы, в том числе шиитские и суннитские, расценивается позитивно.

Иракский Курдистан признается одним из федеральных регионов (ст. 117) — и пока остается единственным. Он может иметь собственную конституцию, определяющую региональные органы власти и их полномочия (ст. 120). Только регион обладает правом вето: в случае принятия решений по вопросам, не относящимся к исключительным полномочиям федеральных властей, его власти могут корректировать применение федерального законодательства (ст. 121).

Федерализм является децентрализованным, так как контроль над ресурсами не является исключительной компетенцией центральной власти («Нефть и газ являются собственностью всего иракского народа во всех регионах и провинциях» (ст. 111). Одновременно это косвенно подтверждает дискриминацию суннитского сегмента, так как традиционные суннитские провинции нефти лишены.

Итак, иракская консоциация разрешила конфликт между арабами и курдами, создав «плюралистическую федерацию, которая соединила (курсив мой) автоном-

¹⁴ Gallup analytics. Approval of Country Leader. Из личного архива автора.

ный курдский регион с консоциативными установками в федеральном правительстве». По мнению О'Лири, это способствует коалиционным правительствам, пропорциональности, праву вето и автономии, но не обеспечивает коллегиальной формы принятия решений (O'Leary, 2010: 79).

Таким образом, при отсутствии ряда важных условий консоциализма баланс сил оказывается смещен в пользу шиитского сегмента, контролирующего исполнительную власть. Фактически это делает систему мажоритарной и не способствует снижению этнополитической конфликтности, о чем свидетельствует, например, референдум о независимости Иракского Курдистана (2017 г.). Либеральная консоциация оказалась в Ираке квазиконсоциацией: в ней доминирует сегмент большинства, причем статус большинства и меньшинства является в стране постоянным. По мнению Богаардса, это — облегчённая (*light*) версия, так как основной акцент сделан на временное распределение власти (*power-sharing*) и гибкий федерализм (Bogaards, 2021). Как считает Абултаиф, Ирак идет путем Ливана до начала гражданской войны (1975 г.), когда консоциация усиливала один сегмент и позволяла ему занимать доминирующее положение. Поэтому «довоенная консоциация в Ливане распалась, а постконфликтный Ирак распадается» (Aboultaif, 2020: 108). Здесь, однако, можно не согласиться с исследователем, поскольку слабый политический центр в Ираке усилен внешним патроном в лице США, которые принуждают элиты сегментов к сотрудничеству (Кудряшова, Козинцев, 2021: 158).

Анализ применения институциональных механизмов консоциации в ближневосточном политико-культурном контексте показал, что Ливан представляет собой этноконфессиональную консоциацию, где демократические институты на национальном уровне сосуществуют с авторитарно управляемыми сегментами. Ирак же представляет собой недемократическую частичную консоциацию, в которой доминирует шиитский сегмент. В случае Ливана атрибуты уточняют концепт консоциации, наделяя его новыми гранями, в случае Ирака — растягивают концепт, размывая понятие.

Рассмотрение ближневосточных консоциаций через призму поведенческого подхода (как добровольного рационального решения элит разделить власть во имя общих целей) показывает, что ни корпоративная консоциация в Ливане, ни трансплантированная консоциация в Ираке не способствовали формированию политической культуры общности. Объяснение этого во многом имеет исторические причины, связанные с антагонистической политизацией этноконфессиональных идентичностей в период создания и развития этих двух ближневосточных государств.

Применительно к рассмотренным случаям корневой концепт консоциализма теряет объяснительную силу, поскольку фиксирует существование институциональной структуры, но не поведенческих и ориентационных установок. При характеристике таких случаев невозможно обойтись без использования прилагательных, но даже их использование, как показал проведенный анализ, не позволяет избежать серьезных допущений при отнесении Ливана и Ирака к классу консоциаций. Такие примеры возвращают политологов к вопросу об эмпирической проверке употребляемых концептов, т.е. о сущности и основных признаках консоциализма на Западе и на Востоке.

Библиографический список

- Керимов, А. А. (2021). Консоциальная демократия в Ливане: современные вызовы и перспективы развития. *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 23(3), 364–378. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-364-378
- Конституция Ливана 1926 г., одобренная конституционным законом 21 сентября 1990 г. Режим доступа <https://worldconstitutions.ru/?p=90>
- Кудряшова, И. В. (2016). Как обустроить разделенные общества. *Политическая наука*, 1, 15–33.
- Кудряшова, И. В., Козинцев, А. С. (2021). Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта. *Политическая наука*, 2, 140–164. DOI: 10.31249/poln/2021.02.05
- Кудряшова, И. В., Харитонова, О. Г. (ред.) (2020). *Метаморфозы разделенных обществ*. М.: МГИМО-Университет.
- Президент Ливана на фоне кризиса призвал сделать государство светским (август, 2020). *РИА Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/20200830/livan-1576500565.html>
- Пшеворский, А. (2013). Политический институт и политический порядок. В *Демократия в российском зеркале* (с. 398–428). М.: МГИМО.
- Сарабьев, А. В. (2019). Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте. *Вестник МГИМО-Университета*, 12(4), 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112
- Aboultaif, E. W. (2015). The Limitations of the Consociational Arrangements in Iraq. *Ethnopolitics Papers*, 38, 1–22. Retrieved from <https://www.psa.ac.uk/psa-communities/specialist-groups/ethnopolitics/blog>
- al-Shadeedi, H., van Veen, E. (2020). Iraq's Adolescent Democracy. Where To Go from Here. In *CRU report* (pp. 13–44). Hague: Netherlands Institute of International Relations.
- Andeweg, R. B., De Winter, L. & Müller, W.C. (2008). Parliamentary Opposition in Post-Consociational Democracies: Austria, Belgium and the Netherlands. *The Journal of Legislative Studies*, 14 (1–2), 77–112. DOI: 10.1080/13572330801921034
- Bogaards, M. (2019). Consociationalism and Centripetalism: Friends or Foes? *Swiss Political Science Review*, 25(4), 519–537. DOI: 10.1111/spsr.12371
- Bogaards, M. (2021). Iraq's Constitution of 2005: The Case against Consociationalism 'Light'. *Ethnopolitics*, 20(2), 186–202. DOI: 10.1080/17449057.2019.1654200
- Byman, D. (2014). Sectarianism Afflicts the New Middle East. *Survival: Global Politics and Strategy*, 56(1), 79–100, DOI: 10.1080/00396338.2014.882157
- Calfat, N. N. (2018). The Frailties of Lebanese Democracy: Outcomes and Limits of the Confessional Framework. *Contexto Internacional*, 40(2), 269–293. DOI: 10.1590/s0102-8529.2018400200002
- Collier, D. & Mahon J. E. Jr. (1993). Conceptual “Stretching” Revisited: Adapting Categories in Comparative Analysis. *The American Political Science Review*, 87(4), 845–855. DOI: 10.2307/2938818
- Dix, R. H. (1980). Consociational Democracy: The Case of Colombia. *Comparative Politics*, 12(3), 303–321. DOI: 10.2307/421928
- Dixon, P. (2011). Is Consociational Theory the Answer to Global Conflict? From the Netherlands to Northern Ireland and Iraq. *Political Studies Review*, 9, 309–322. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2011.00235.x
- Dodge, T. (2020). The Failure of Peacebuilding in Iraq: The Role of Consociationalism and Political Settlements. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 15(4), 459–475. DOI: 10.1080/17502977.2020.1850036
- Dodge, T., Mansour, R. (2020). Sectarianization and De-sectarianization in the Struggle for Iraq's Political Field. *The Review of Faith and International Affairs*, 18(1), 58–69, DOI: 10.1080/15570274.2020.172

- Haddad, F. (2020). Sectarian Identity and National Identity in the Middle East. *Nations and Nationalism*, 26(1), 123–137. DOI: 10.1111/nana.12578
- Halpern, S. M. (1986). The Disorderly Universe of Consociational Democracy. *West European Politics*, 9(2), 181–197. DOI: 10.1080/01402388608424573
- Horowitz, D. L. (2002). Explaining the Northern Ireland Agreement: The Sources of an Unlikely Constitutional Consensus. *British Journal of Political Science*, 32(2), 193–220. DOI: 10.1017/S000712340200008X
- Horowitz, D. L. (2000). Constitutional Design: An Oxymoron? In Shapiro I., Macedo C. (eds.) *Designing Democratic Institutions* (pp. 253–284). N.Y. L.: New York Univ. Press.
- Iraq's Constitution 2005. Retrieved from https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005.pdf?lang=en
- Lijphart, A. (1968). Typologies of Democratic Systems. *Comparative Political Studies*, 1(1), 3–44. DOI 10.1177/001041406800100101
- Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 21(2), 207–225. DOI:10.2307/2009820
- Lijphart, A. (1981). Consociational Theory: Problems and Prospects. A Reply. *Comparative Politics*, 13(3), 355–360. DOI:10.2307/421902
- Lijphart, A. (1996). The Puzzle of Indian Democracy: A Consociational Interpretation. *The American Political Science Review*, 90(2), 258–268, DOI:10.2307/2082883
- Lijphart, A. (1999). *Patterns of Democracy: Government Forms and Democracy in 36 Countries*. New Haven, L.: Yale Univ. Press.
- Lijphart, A. (2004). Constitutional Design for Divided Societies. *Journal of Democracy*, 15(2), 96–109. DOI: 10.1353/jod.2004.0029
- McCulloch, A. (2014). Consociational Settlements in Deeply Divided Societies: The Liberal-Corporate Distinction. *Democratization*, 21(3), 501–518, DOI: 10.1080/13510347.2012.748039
- McGarry, J. & O'Leary, B. (2007). Iraq's Constitution of 2005: Liberal Consociation as Political Prescription. *International Journal of Constitutional Law*, 5(4), 670–698. DOI: 10.1093/icon/mom026
- Norden, D. L. (1998). Party Relations and Democracy in Latin America. *Party Politics*, 4(4), 423–443. DOI:10.1177/1354068898004004002
- O'Leary, B. (2010). Iraq as a New Multinational State: A Cautious defence. In Breen K., O'Neill S. (eds.) *After the Nation? Critical Reflections on Nationalism and Postnationalism* (pp. 60–83) Palgrave Macmillan: Basingstoke, NY.
- Salem, P. (2011). Lebanon. In E. Lust (Ed.) *The Middle East* (pp. 530–550). Washington, D.C.: CQ Press.
- Stepan, A., Linz, J. Yadav, Y. (2011). *Crafting State-nations. India and Other Multinational Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Taylor, R. (2009). The Promise of Consociational Theory. In Taylor R. (ed.) *Consociational Theory: McGarry and O'Leary and the Northern Ireland Conflict* (pp. 1–12). London: Routledge.

Статья поступила в редакцию 06.11.2021

Статья принята к публикации 08.12.2021

Для цитирования: Харитоновна О. Г. Теория и практика консоциализма в ближневосточном контексте: новые грани старой проблемы. — Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 4. С. 61–80.

THE THEORY AND PRACTICE OF CONSOCIATIONALISM IN THE MIDDLE EASTERN CONTEXT: NEW DIMENSIONS OF AN OLD PROBLEM

O. G. Kharitonova

Oxana G. Kharitonova, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadskogo prosp., 76, Moscow, 119454, Russia.

E-mail: o.kharitonova@inno.mgimo.ru. ORCID 0000-0003-1908-0613.

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR) according to the research project № 20–011–00922 A.

Abstract. The events of the “Arab Spring” and the ensuing protracted armed conflicts in a number of Middle Eastern countries have once again drawn the attention of researchers to those multi-ethnic and multi-confessional societies in which the use of consociational mechanisms allows the maintenance of the state framework despite the high level of conflict between segments. The article attempts to systematize the root concept of consociation, to determine the logic of the use of adjectives with this concept, and to analyze modern consociations in (the) Lebanon and Iraq along these lines. The article attempts to systematize the root concept of consociation, to determine the logic of the use of adjectives with this concept, and to analyze modern consociations in (the) Lebanon and Iraq along these lines. The main analytical tool and simultaneously the subject of analysis is the theory of consociationalism (consociative democracy). Due to the elasticity of the key features of consociation, its conceptualization is based on the principle of “family resemblance”. To determine the basic (necessary and sufficient) elements of an ideal-typical consociation, we take the entire set of formal institutional mechanisms identified by A. Lijphart, if the democracy attribute is excluded. The analysis of the application of institutional mechanisms of consociation in the Middle Eastern political and cultural context showed that Lebanon is an ethno-confessional consociation, where formally democratic institutions at the national level coexist with authoritarian segments. Iraq, on the other hand, is a non-democratic partial consociation dominated by the Shiite segment. In the case of Lebanon, the attributes refine the concept of consociation, giving it new facets; in the case of Iraq, they stretch the concept, blurring the notion of consociation. Examining Middle Eastern consociations through the lens of a behavioral approach revealed that neither sectoral nor imposed consociations contributed to the «spirit of consociation”. It is concluded that consociations in the West and in the East differ significantly at the institutional and behavioral level, so that even the use of adjectives cannot avoid serious assumptions in assigning them to the class of consociations.

Keywords: consociation, “consociation with adjectives”, Lebanon, Iraq, divided society.

DOI 10.31429/26190567-22-4-61-80

References

- Aboultaif, E. W. (2015). The Limitations of the Consociational Arrangements in Iraq. *Ethnopolitics Papers*, 38, 1–22. Retrieved from <https://www.psa.ac.uk/psa-communities/specialist-groups/ethnopolitics/blog>
- al-Shadeedi, H., van Veen, E. (2020). Iraq’s Adolescent Democracy. Where To Go from Here. In *CRU report* (pp. 13–44). Hague: Netherlands Institute of International Relations.
- Andeweg, R. B., De Winter, L. & Müller, W.C. (2008). Parliamentary Opposition in Post-Consociational Democracies: Austria, Belgium and the Netherlands. *The Journal of Legislative Studies*, 14 (1–2), 77–112. DOI: 10.1080/13572330801921034
- Bogaards, M. (2019). Consociationalism and Centripetalism: Friends or Foes? *Swiss Political Science Review*, 25(4), 519–537. DOI: 10.1111/spsr.12371
- Bogaards, M. (2021). Iraq’s Constitution of 2005: The Case against Consociationalism ‘Light’. *Ethnopolitics*, 20(2), 186–202. DOI: 10.1080/17449057.2019.1654200
- Byman, D. (2014). Sectarianism Afflicts the New Middle East. *Survival: Global Politics and Strategy*, 56(1), 79–100, DOI: 10.1080/00396338.2014.882157
- Calfat, N. N. (2018). The Frailties of Lebanese Democracy: Outcomes and Limits of the Confessional Framework. *Contexto Internacional*, 40(2), 269–293. DOI: 10.1590/s0102-8529.2018400200002
- Collier, D. & Mahon J.E. Jr. (1993). Conceptual “Stretching” Revisited: Adapting Categories in Comparative Analysis. *The American Political Science Review*, 87(4), 845–855. DOI: 10.2307/2938818
- Dix, R. H. (1980). Consociational Democracy: The Case of Colombia. *Comparative Politics*, 12(3), 303–321. DOI:10.2307/421928

- Dixon, P. (2011). Is Consociational Theory the Answer to Global Conflict? From the Netherlands to Northern Ireland and Iraq. *Political Studies Review*, 9, 309–322. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2011.00235.x
- Dodge, T. (2020). The Failure of Peacebuilding in Iraq: The Role of Consociationalism and Political Settlements. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 15(4), 459–475. DOI: 10.1080/17502977.2020.1850036
- Dodge, T., Mansour, R. (2020). Sectarianization and De-sectarianization in the Struggle for Iraq's Political Field. *The Review of Faith and International Affairs*, 18(1), 58–69, DOI: 10.1080/15570274.2020.172
- Haddad, F. (2020). Sectarian Identity and National Identity in the Middle East. *Nations and Nationalism*, 26(1), 123–137. DOI: 10.1111/nana.12578
- Halpern, S. M. (1986). The Disorderly Universe of Consociational Democracy. *West European Politics*, 9(2), 181–197. DOI: 10.1080/01402388608424573
- Horowitz, D. L. (2000). Constitutional Design: An Oxymoron? In Shapiro, I., Macedo, C. (eds.) *Designing Democratic Institutions* (pp. 253–284). N.Y. L.: New York Univ. Press.
- Horowitz, D. L. (2002). Explaining the Northern Ireland Agreement: The Sources of an Unlikely Constitutional Consensus. *British Journal of Political Science*, 32(2), 193–220. DOI: 10.1017/S000712340200008X
- Iraq's Constitution 2005. Retrieved from https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005.pdf?lang=en
- Kerimov, A. A. (2021). Konsotsional'naya demokratiya v Livane: sovremennyye vyzovy i perspektivy razvitiya [Consociational Democracy in Lebanon: Modern Challenges and Development Prospects]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 23(3), 364–378. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-364-378
- Konstitutsiya Livana [Lebanon's Constitution]. Retrieved from <https://worldconstitutions.ru/?p=90>
- Kudryashova I. V., Kozintsev A. S. (2021). Institutsionalnyie resheniya etnokonfessionalnykh konfliktov na Blizhnem Voostooke v kontekste imperskogo opyta [Institutional Solutions for Sectarian Conflicts in the Middle East in the Context of Imperial Legacy]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, 140–164. DOI: 10.31249/poln/2021.02.05
- Kudryashova, I. V., Kharitonova, O. G. (Eds.) (2020). *Metamorfozy razdelennykh obshchestv* [Metamorphoses of Divided Societies]. M.: MGIMO.
- Kudryashova, I.V. (2016). Kak obustroit' razdelennyye obshchestva [How to Accomplish Stability in Divided Societies]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 1, 15–33.
- Lijphart, A. (1968). Typologies of Democratic Systems. *Comparative Political Studies*, 1(1), 3–44. DOI: 10.1177/001041406800100101
- Lijphart, A. (1968). Typologies of Democratic Systems. *Comparative Political Studies*, 1(1), 3–44. DOI 10.1177/001041406800100101
- Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 21(2), 207–225. DOI:10.2307/2009820
- Lijphart, A. (1981). Consociational Theory: Problems and Prospects. A Reply. *Comparative Politics*, 13(3), 355–360. DOI:10.2307/421902
- Lijphart, A. (1996). The Puzzle of Indian Democracy: A Consociational Interpretation. *The American Political Science Review*, 90(2), 258–268, DOI: 10.2307/2082883
- Lijphart, A. (1999). *Patterns of Democracy: Government Forms and Democracy in 36 Countries*. New Haven, L.: Yale Univ. Press.
- Lijphart, A. (2004). Constitutional Design for Divided Societies. *Journal of Democracy*, 15(2), 96–109. DOI: 10.1353/jod.2004.0029
- McCulloch, A. (2014). Consociational Settlements in Deeply Divided Societies: The Liberal-Corporate Distinction. *Democratization*, 21(3), 501–518, DOI: 10.1080/13510347.2012.748039

- McGarry, J. & O'Leary, B. (2007). Iraq's Constitution of 2005: Liberal Consociation as Political Prescription. *International Journal of Constitutional Law*, 5(4), 670–698. DOI: 10.1093/icon/mom026
- Norden, D. L. (1998). Party Relations and Democracy in Latin America. *Party Politics*, 4(4), 423–443. DOI:10.1177/1354068898004004002
- O'Leary, B. (2010). Iraq as a New Multinational State: A Cautious defence. In Breen, K., O'Neill, S. (eds.) *After the Nation? Critical Reflections on Nationalism and Postnationalism* (pp. 60–83) Palgrave Macmillan: Basingstoke, NY.
- Prezident Livana na fone krizisa prizval sdelat' gosudarstvo svetskim [Lebanon's President, Amid Crisis, Calls for a Secular State] (2020). *RIA Novosti* [RIA News]. Retrieved from <https://ria.ru/20200830/livan-1576500565.html>
- Przeworski, A. (2013). Politicheskiy institut i politicheskiy poryadok [The Political Institution and the Political Order]. In *Demokratiya v rossiyskom zerkale* [Democracy in the Russian Mirror] (pp. 398–428). M.: MGIMO.
- Salem, P. (2011). Lebanon. In Lust, E. (ed.) *The Middle East* (pp. 530–550). Washington, D.C.: CQ Press.
- Sarabiev, A. V. (2019). Livan: obyknovennaya "konsotsionnaya demokratsiya" v regionalnom kontekste. [Lebanon: An Ordinary "Consociational Democracy" in the Regional Context]. *Vestnik MGIMO* [MGIMO Review of International Relations], 12(4), 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112
- Stepan, A., Linz, J. Yadav, Y. (2011). *Crafting State-nations. India and Other Multinational Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Taylor, R. (2009). The Promise of Consociational Theory. In Taylor, R. (ed.) *Consociational Theory: McGarry and O'Leary and the Northern Ireland Conflict* (pp. 1–12). London: Routledge.

Received 06.11.2021

Accepted 08.12.2021

For citation: Kharitonova O. G. The Theory and Practice of Consociationalism in The Middle Eastern Context: New Dimensions of an Old Problem. — South-Russian Journal of Social Sciences. 2021. Vol. 22. No. 4. Pp. 61-80.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).